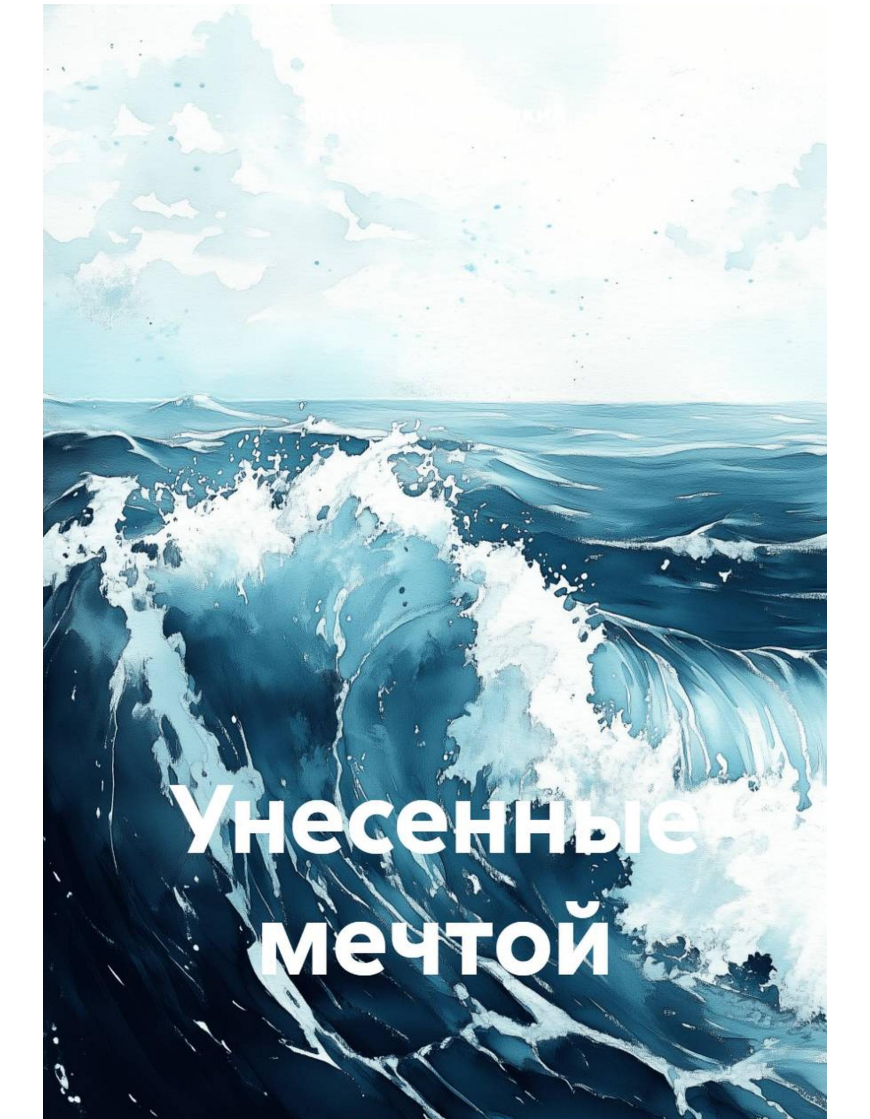

Унесенные мечтой

Виктор Добросоцкий Унесенные мечтой

<https://litres.ru/74496949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман-воспоминание, охватывающий переломную эпоху в истории страны — от заката советской эпохи до бурных 90-х. Это история о поколении семидесятников, чья юность пришлась на время больших надежд и крушения империй.

Виктор Добросоцкий

Унесенные мечтой

Умей мечтать

Храни Мечту

Мечта это путеводная звезда

Звезда, освещающая твое будущее

Звезда, освещающая дорогу

Дорогу к твоему счастью

ГЛАВА 1

- Папа, я обязательно стану моряком, - произнес мечтательно тихим голосом Мишка, глядя с восторгом на разлившуюся в половодье до горизонта реку Пришибку.

- Хорошо, сынок, но для этого тебе надо хотя бы раз увидеть море, - переходя на шепот, ответил отец.

- Я его увижу, папа! Обязательно увижу! Жаль, что я не волшебник и не могу сделать это прямо сейчас, - зажав глаза, сказал сын.

- Не грусти, Мишань. Тебе всего пятнадцать. В следующем году окончишь школу, поступишь в институт и выбирай себе путь-дорогу на все четыре стороны. У тебя вся жизнь впереди, - усмехнувшись в густые рыжеватые усы, ответил отец низким бархатным голосом. И со знанием рыбацкого

дела насадил червяка на крючок, и забросил удочку.

Папа Миши, Иван Степанович Протасов, был видным мужчиной средних лет - высокого роста, крепкого атлетического телосложения, с правильными благородными чертами лица, с заметно редеющими, аккуратно зачесанными назад, слегка пробитыми сединой, светлыми волосами.

- Я часто вижу море во сне, папа, - продолжил Мишаня, сосредоточенно взгляд на поплавке.

- Я тоже, сынок, видел море во сне, но стал обыкновенным учителем.

- Ты народный учитель. Директор школы! - возмутился сын.

- Какая разница! Все равно - по сути, я просто учитель. А ведь в детстве я мечтал стать морским летчиком и летать на гидроплане, - отец по-детски прищурился, и его небольшие голубые глаза в мгновение помолодели.

- А я все равно стану моряком, - упрямо повторил Миша и, немного подумав о чем-то сокровенном, серьезно добавил: - Это моя мечта, а мечты должны сбываться, папа.

- Да, сынок, должны... - Иван Степанович грустно посмотрел на сына, с любовью потрепал его непослушные выующиеся волосы. Он не заметил, что взгляд Миши давно оторвался от поплавка, от речки, от земли и унесся куда-то очень далеко...

Если бы в этот момент Иван Степанович случайно пристально заглянул в глаза своего сына, то он обязательно уви-

дел бы в них заискрившиеся слезы мечты, в которых отразилось далекое незнакомое, но уже любимое на всю жизнь голубое море.

Пришиб испокон веков был маленьким провинциальным городком, прильнувшим своими устами к притоку матушки-реки Волги. Его жители гордились своей малой Родиной. Может быть, за живописные утесы, которые издавна были наречены народом героическими сказочными именами. А может быть, гордились обитатели Пришиба непонятно когда и откуда взявшимся в их краях огромным рукодельным земляным рвом, грозно разрезавшим вдоль берегов реки подступы к городу. Внимательно присмотревшись к скалистым берегам реки Пришибки, можно без труда различить утес, похожий на трех былинных богатырей, скачущих наперекор времени на своих резвых конях из прошлого в будущее сквозь загадочный туман тысячелетий.

Мишка представил себе, что этот ров соорудили давным-давно жители города, чтобы обороняться от злого дракона, который застыл в камне на другой стороне реки. Это чудовище готово воскреснуть в тот миг, когда покинут свой великий пост три могучих каменных исполина.

Он сидел на своем любимом камне, на краю утеса, с которого открывался захватывающий дух вид с безбрежными лесными просторами, уплывающими за недостижимый горизонт. Он представлял себе, что давным-давно, еще до Киев-

ской Руси, его город был столицей великого русского княжества. В те времена на Руси жили отважные богатыри и злые кровожадные драконы. Местная легенда гласит, что один громадный злой дракон постоянно мучил мирных жителей Пришиба, убивал беззащитных стариков и детей.

Миша посмотрел на утес Дракон. В его воображении он внезапно ожил. Каменный исполин превратился в огнедышащее кровожадное чудовище. О как страшно было жить обитателям города Пришиба в те далекие времена! Кто их мог тогда спасти? Чудо-богатыри? А может глубокий ров вокруг города, наполненный водой? Нет! Ничто их не спасет. Нет им спасения! Богатыри сейчас сражаются в далеких заморских землях, а неприступный ров коварный дракон преодолеет одним взмахом своих могучих крыльев. И вот тогда обратились жители Пришиба к ясновидящей. «Помоги нам советом! Как одолеть дракона?» Она им и отвечает: «Живет у вас в городе в семье учителя Ивана юный чудо-богатырь, а зовут его Михаил».

И обратились они с просьбой к учителю Ивану отпустить сына на бой кровавый. И сказал им Иван: «Не отпустил бы я сына к врагу лютому в логово змея на бой смертельно опасный, если б не страдания стариков и детей города нашего Великого Пришиба. Иди сын и победи врага лютого, стой за Отчизну нашу многострадальную, за город наш славный Пришиб».

И победил Михаил дракона в кровавой схватке. И встре-

чал его весь город с цветами. И поцеловала его самая красивая девушка в мире Алена. И сыграли они свадьбу на весь Пришиб великий. И...

Мишка зажмурился от удовольствия. Он представил себе свою одноклассницу Алenu, плачущую от счастья и целующую его в губы. Мишка дотронулся правой рукой до своих губ – так явственно он почувствовал ее прикосновение. Легкий ветерок игриво освежал его фантазии своим теплым дуновением.

«Вот это жизнь была на древней Руси! Как хотелось бы жить в эти времена. Там бы я стал настоящим героем! А сейчас скучное время. 1980 год. Все строят развитой социализм. Никаких подвигов, кроме Афганистана. Но служить туда меня вряд ли родители отпустят. Жаль. И Алене меня полюбить получается совсем не за что».

Миша тяжело вздохнул и медленно, все еще переживая события только что закончившегося кровавого боя, устало побрел в направлении дома.

- Мам, а мам! А папа скоро придет с работы? Скоро уже летние каникулы закончатся, а мы ни разу не были на футболе. Он обещал мне сегодня сходить на стадион! - крикнул Миша прямо с порога.

В их одноэтажном, выкрашенном, в желтые и голубые цвета доме мальчик безошибочно почувствовал присутствие мамы по аппетитному запаху чебуреков, струящемуся из

кухни. Зинаида Сергеевна готовила их, как правило, по дням рождениям и очень редко по воскресеньям.

- Сколько тебе, Мишань, повторять, что папа директор школы и отвечает за ремонт. Он с тобой будет развлекаться, а дети придут 1 сентября в школу, а учиться им негде.

- Зинаида Сергеевна посмотрела с любовью на сына и улыбнулась.

- Вот дети будут меня только благодарить. Я буду героем нашего города. Вкусно пахнет мама! У нас сегодня настоящий чебуречный пир!

Зинаида Сергеевна от удовольствия рассмеялась.

- К чебуречному пиру отец обязательно придет. Никуда не денется твой драгоценный папочка, и на футбол сегодня сходите. Он билеты купил, - с удовольствием раскрыла тайну мама.

- Папа скоро придет. Ты что не понял еще? - разводя театральными руками, пролепетала четырехлетняя сестренка Маша.

- Мама, а почему наш город называется Пришиб? - неожиданно спросил Мишка.

- Потому что по приданию здесь давным-давно была крепость, и наши предки отважно обороняли город, и вышибли врагов из наших окрестностей, - поведала мама.

- Крепость здесь была, ты что, не понимаешь? - снова插вила свое замечание сестренка.

- Да я то понимаю, а вот ребята из Москвы обзывают нас

пришибленными, - с возмущением и обидой пояснил Мишка.

- Сами они пришибленные. Не обращай внимание на этих столичных ребят. Глупые они, - снисходительно улыбаясь, добавила мама.

- Не обращай внимания. Ты понял, Миша? Неужели ты ничего не понял? - подхватила маленькая тараторка.

- Понял, Маша, понял, - немного раздраженно ответил Мишка и задумчиво пошел в свою комнату.

Алена не любила просыпаться рано. Ей казалось, что недосыпание оставляет бледность на ее лице. Но учеба есть учеба. Десятый класс - это тот возраст, когда хочется выглядеть взрослой и покорять сердца мальчишек. Хотя они такие еще дети, что о серьезных чувствах даже не могут догадываться. Им бы погонять в футбол после уроков, сбежать в кино, похохмить на перемене. Пожалуй, исключение Димка. С ним говоришь и чувствуешь, что общаешься со взрослым мужчиной. Он такой серьезный и умный. Не зря Димку так любят учителя и недолюбливают ребята в классе. А кличка Софист совсем не почетная, а скорее просто ироничная. Знания это, конечно, прекрасно, но когда знаний чересчур много это уже похоже на обыкновенное занудство. То ли дело Ленка - балагур. Он хоть порой и разгильдяй в учебе, но с ним намного интересней поболтать о музыке, чем с заумным Димой о судьбе Ньютона и Гегеля. У Ленки кличка -

Музыкант. Музыкант - он и есть музыкант. Запоет под гитару - голова у девочек начинает тот час кружиться. Мишутка же - чокнутый на море романтик. Собирает все, что связано с морем: марки, открытки, макеты кораблей... Но ребята его любят и называют ласково Морячком. Добряк. Непоседа. Какие они разные по характеру, а почему-то друзья не разлей вода с первого класса.

Алена отбросила в сторону последние ниточки лени, при- тягивающие ее юное, стройное тело к мягкой кровати, улыб- нулась, опустила ноги в теплые тапочки и побежала умывать- ся.

Сегодня воскресенье, и девушка с удовольствием проспала до десяти часов. «Имею право, - думала она, глядя равнодушно на настенные часы, - Итак каждый день сплю не больше восьми часов: уроки, репетиторы, уроки, репетиторы... Родители затретиrowали проповедями о необходимости поступать в московский вуз с первого раза. Мама так об этом мечтает, что другого пути, чем стать героем ученического труда, просто не существует. Да и золотая медаль при поступлении совсем не помешает. Так что расслабляться и лениться, к сожалению, никак не получается».

- Алена! Девочка моя! Так ты и экзамены в вуз проспишь! - услышала она голос матери.

- Да, мать, в деревне таким барышням не прожить,- за- скрипел отец свою любимую крестьянскую песню.

- Мы, папа, по-моему, в деревню переезжать не собираем-

ся, и поступаю я в Московский институт управления, а не в Тимирязевскую сельхозакадемию.- подтрунивая над отцом, чмокнув его в небритую щеку, веселилась дочь.

- Все. Страна сошла с ума. Все едут поступать в Москву. В Пришибе никого скоро не останется. В селе работать не хотят. Хотят управлять народным хозяйством. А есть что мы будем? Металл? Пластмассу? Резину?

- Что ты с утра снова завелся, крестьянский сын! Что ж ты не отказался от должности в городе, а бросил свое директорство совхозом? - защищая дочь, улыбаясь, налетела на отца мать.

Маргарита Павловна, мать Алены, - была городской и по распределению после пединститута поехала учить деревенских ребятишек. Там и встретила она крестьянского сына Анатолия Петровича, агронома в хозяйстве. Высокий, красивый, как с картины списанный герой древних былин, Анатолий Петрович по натуре был очень застенчивым человеком. При виде юной красивой городской учительницы он опускал глаза и пытался удалиться, куда угодно - лишь бы на нее не смотреть. Страх, да-да, обыкновенный страх, испытывал молодой агроном перед магической силою ее красоты. Он терял контроль над собой даже в те минуты, когда только думал о ней. Однажды это чуть не завершилось столкновением его автомобиля «бобика» с коровой, которая мирно переходила улицу. Анатолий Петрович просто ее не заметил...

Родители его скептически относились к городским девуш-

кам: «Ленивые фифы - работать не хотят, рожать не умеют. Толку от них никакого». Но Анатолий Петрович чувствовал, что Маргарита не городская фифа. Наоборот, она его... мечта. От этого открытия он не мог нормально спать и есть. Бессонными ночами он просил чуда. Чтобы случай увел ее подальше из их села, освободив сердце от жгучей любовной тоски... На деле произошло все ровно наоборот.

Однажды на дне рождения директора совхоза, на который кроме родственников именинника были приглашены и все уважаемые люди села, их места за праздничным столом оказались рядом. Маргарита, как и любая другая девушка на ее месте, мгновенно почувствовала любовные флюиды, которые щедро источал красавчик агроном. Анатолий густо краснел, отвечал ей на обыкновенные вопросы несвязанно и порой просто глуповато. Как это произошло, но факт остается фактом - волею судьбы им досталась за столом одна столовая ложка на двоих. Маргарита Павловна предложила ее своему робкому соседу. Он наотрез отказался, аккуратно выпивая при этом, без всякой закуски, рюмку за рюмкой в поддержку тостов, несущихся с русской стремительностью, за здоровье и процветание именинника. Девушка тоже поначалу растерялась, не зная как лучше выйти из этой ситуации. Пойти на кухню и попросить ложку или...

...В какой-то момент Маргарита взглянула в глаза молодому человеку и поняла, что хочет стать его женой. Представление о счастливом семейном будущем с ним рядом ста-

ло настолько ясным, что девушка из робкого котенка в одно мгновение превратилась в охотницу-пантеру. «Нет, - думала она, - с этим парнем в молчанку играть нельзя. Так его быстро другие девки захомут! Здесь надо брать инициативу на себя и действовать. Прямо сейчас. Немедля! Ложка здесь крайне кстати. Это судьба».

Она уверенно первая взяла ложку и аккуратно зачерпнула в нее несколько кусочков вареного картофеля. Затем медленно, не притронувшись к металлу губами, положила их как-то очень кокетливо в рот.

- Теперь вы скушайте. Технология пользования инструментом понятна? Ваша очередь. Смелей! - смеясь игриво, произнесла учительница, передавая ложку своему растеряншемуся покрасневшему соседу.

- Что вы! Я не голоден! - смущенно ответил молодой человек, возвращая нетронутой драгоценную ложку.

- Если вы сейчас же не съедите вот этот кусок картошки, я встану и уйду. Ведь вы этого не допустите? Вы уже пять рюмок водки выпили и все без закуски. Я вас так до дому не доведу.

Молодой человек неожиданно схватил заветную ложку и жадно съел первый попавшийся в нее кусок картофеля.

- У нас в городе считается, что если с одной ложки поели, это все равно, что поцеловались - произнесла тихо на ухо Маргарита и весело рассмеялась, слегка краснея от своей смелой шутки.

Агроном молчал. Он только нервно неуверенно временами брал, как краденную, заветную ложку и, улыбаясь, закусывал очередные рюмочные возлияния.

- Можно я вас провожу домой? - тихо спросил неожиданно на минуту осмелевший Анатолий Петрович, выпив очередную рюмку.

- Можно, только при условии, что вы будете хорошо закусывать... А то самой мне придется вас нести на руках...

Через две недели Анатолий Петрович отнес свою ненаглядную Маргариту на руках в загс.... Ровно через девять месяцев появилась красавица Алена.

Отец быстро по меркам советского времени сделал сначала сельскую карьеру - за десять лет стал знатным директором совхоза. Затем его пригласили руководить всем сельским хозяйством в Пришибском районе. И вот уже целых шесть лет живут они в городе. В этом опытном советском хозяйственнике мало что осталось от деревенского агронома-крестьянина. Маргаритина селекционная воспитательная работа дала свои удивительные плоды.

Анатолий Петрович полюбил модно одеваться. Три года назад он стал кандидатом сельскохозяйственных наук и, кроме основной работы в райисполкоме, стал преподавать аграрное дело в Пришибском филиале областного сельхозинститута.

Алена взяла у родителей всего по чуть-чуть, но самое луч-

шее - большие серые глаза и густые русые волосы. Крестьянскую доброту от папы, аккуратные правильные черты лица и изумительную фигуру, волю и целеустремленность от мамы. А из-за занятий в школьном театре с пятого класса к ней приклеилась кличка - актриса.

Сегодня сентябрьское воскресенье. Семья, расслабленно болтая о всяких пустяках, завтракала на кухне, поглядывая между делом по привычке на своего главного общего друга - телевизор.

Зазвонил телефон. Алена схватила трубку. Это был Димка. Он, как обычно, занудно пытался уточнить, что задано на понедельник. Девушка давно почувствовала уже проснувшимся в ней женским чутьем, что за этими безобидными воскресными звонками было нечто большее, чем просто забывчивость. Алена почти догадывалась, что Софист был в нее тайно влюблен. Это обстоятельство забавляло девушку и в какой-то степени льстило ее девичьему самолюбию. Ведь Димка считался в школе завидным женихом.

- Может, сходим сегодня в кино? - неожиданно спросил в конце разговора Димка

- Дим, если пойду, то только ближе к вечеру. Нужно немного химией позаниматься, да и по дому кое-какие хозяйственные долги за неделю поднакопились. А Морячок с Музыкантом тоже идут? - кокетливо спросила Алена.

- Я же тебя приглашаю. Зачем я их буду спрашивать? - немного раздраженно запротестовал Софист. - Они наверня-

ка заняты - неуверенно добавил он.

- Чем? - удивилась Алена

- Они все в мечтах о будущем. Ленивые всегда собираются сделать в жизни что-то великое. Так всю жизнь и проводят в мечтах, - пояснил Софист

- Вот как, а я тоже часто мечтаю. Ладно, Софист, позвони им немедленно и пригласи их. Без них я никуда не пойду! - категорически заявила девушка.

- А почему? - упрямо и недовольно спросил Димка

- Потому что мы банда! - весело засмеялась Алена и повесила трубку.

В кинотеатре шла веселая французская комедия с участием Пьера Ришара. Ленька был сегодня на удивление очень грустным и не похожим на себя. Обычно он весело комментировал происходящее на экране, от этого фильм становился еще смешней. Алена любила ходить в кино со своей компанией именно из-за остроумных Ленькиных шуточек, вбрасываемых непрерывным потоком во время сеанса. Сегодня Ленька упорно молчал, и это обстоятельство делало комедию не такой смешной.

- Что произошло? - Мишка поинтересовался у Леньки первым, как только друзья вышли из кинотеатра.

- Пойдемте со мной, я вам кое-что крайне важное покажу, - настойчиво попросил друзей Ленька

- Кто не знает цену времени, тот не рожден для славных

побед, а времени уже одиннадцать часов. Мне пора домой.
Завтра рано вставать, - отказался Димка

- Твое дело, - резко оборвал его Ленька. - Иди, куда хочешь, за своими славными победами. Тебя просить на коленях не стану.

- Часом раньше, часом позже. Я родителей предупредил, что мы Актрису будем все вместе провожать. Я с тобой Музыкант, - согласился Мишка.

- А ты, Алэн, пойдешь? - спросил с надеждой Ленька

- Куда я без вас. Тем более у меня нет выбора. Кто же меня еще проводит домой? - она кокетливо посмотрела на Димку

- Я. Мне как раз по пути. Я могу проводить, - поторопился сказать Софист.

- Ты, Софист, один с бандитами не справишься, а, значит, я иду с ребятами, потому что мы...

- ...Банда, - прокричали возбужденно громко Морячок и Музыкант.

Алена заразительно засмеялась. И у всех друзей, кроме, может быть, Димки, от ее смеха сразу потеплело на душе.

А Софист молча, не прощаясь, быстро засеменял своими длинными худыми ногами по мостовой по плохо освященной улице в направлении своего дома.

Художник хулит дождь,

Дождь красок, размывающих его страдающую душу.

Художник восхваляет дождь,

Дождь, летящий с небес каплями красок на серый холст будней.

Холст будней, разрывающийся под неистовым натиском порывов кисти,

Кисти художника,

Художника, открывающего неповторимые краски мира.

Мира черных, красных, зеленых, голубых... Красок...

Красок черных, как тяжелая грозовая туча.

Красок черных, как ненависть в чужих глазах.

Красок черных, как зависть.

Зависть, выступающая гнойными нарывами на человеческих лицах,

Как скорбь о невосполнимых потерях,

Как отчаянные слезы расставания, размывающие черную тушь одиноких ресниц.

Красная краска напоминает солнце.

Красная краска вспыхивает нежным румянцем первого стыда.

Красная краска загорается ярким заревом заката и восхода.

Заката и восхода, своими трепетными лучами, объединяющих нежные ночные объятия влюбленных в одно мгновение счастья.

Красная краска крови, пролитая Спасителем, защищает твою душу от роковых ошибок.

Красная краска губ любимой рождает новые жизни на
Земле,

Земле, окутанной голубой нежной краской небес, морей,
океанов, озер и рек.

Голубой краской пленительных глаз роковой встречи,
Встречи, окутанной голубым покрывалом неизбежности,
Неизбежности расставания на миг, на минуту, навсегда,
Расставания, засевающего зеленой травой забытья неж-
ную тропинку,

Тропинку, протоптанную ногами счастливых свиданий,
Свиданий под сводом неповторимых красок Природы.
Природы и Человека,
Человека - Художника.

Художника, освещающего тусклые земные краски непо-
вторимым светом,

Светом многоцветья своей души.
Души, рождающей на глазах всего человечества новый
Мир,

Мир, искрящийся под лучами неповторимой радуги.
Радуги чувств и ощущений,
Ощущений, рожденных ненавистным и любимым до-
ждем.

Дождем коварных красок на сером холсте человеческих
будней...

Не прошло и десяти минут, как друзья были у загадочной

цели своего ночного путешествия. Ленька при входе в подвал пятиэтажного дома по-хозяйски включил свет и произнес своим обычным заговорщеским тоном, явно слегка повеселев:

- Проходите за мной, друзья, в мир ужасных привидений.
- Только не пугать. Я боюсь темноты! - кокетливо предупредила девушка
- Ты, по-моему, надумал нас, Музыкант, в царство крыс привести? - тихо пошутил Мишка.
- Не бойтесь, я сам царь крыс, со мной не пропадешь. Доверься мне, - засмеялся Ленька. Он был явно доволен, что друзья пошли с ним.

Большой ключ с трудом открыл тяжелую железную дверь. Из темноты на ребят вырвался строительный запах, замешанный на ароматах алебаstra, подвальной пыли и горьковатой стальной мартеновской гари. Свет разорвал темноту щелчком выключателя, и друзья очутились в просторной художественной мастерской.

В большой комнате на полках стояли в каком-то хаотическом, но гениальном порядке маленькие алюминиевые изваяния. На полу, возле большой печи, были свалены разнообразные гипсовые формы для отливки скульптур. Было что-то таинственное и нереальное в этой ночной атмосфере художественной мастерской. Она как будто находилась в другом мире, на другой планете, в другом измерении.

- Это мастерская моего отца, - как-то неодобрительно ска-

зал Леня.

- А я думал, что ты нашел сокровища древних инков. Ну, ты, балагур, даешь! Почему ты нас раньше сюда не приглашал? У тебя папа просто гений - восторженно воскликнул Мишка, осторожно взяв в руки скульптуру обнаженной девушки-русалки, и провел рукой по ее груди.

Ленька подошел к печи и повернулся к друзьям спиной. Плечи его дрожали. Музыкант беззвучно рыдал.

- Ты, что? - воскликнула Алена удивленно, обняв друга за плечи.

- Я не могу так больше. Не могу. Отец совсем стал тряпкой. Стал много пить. Твердит, что Бог послал его на Землю, чтобы все узнали истинный эталон неудачника. А он ведь талант! Вы же видите?. Посмотрите, какая пластика фигур! Такого никто в мире еще не создавал! Это же гениально! - Ленька на секунду взмахнул руками в направлении потолка, что-то еще пытаясь произнести, но без сил опустил их молча.

- Так в чем же дело? Пусть участвует в выставках! Добивается признания. У всех художников, мы же изучали по искусствоведению, - судьбы не сладкие. Гении они же ранимые, - запальчиво произнесла Алена.

- Вы ничего не знаете и не понимаете! Все его работы крадет скульптор Малышенко. Папа работает у него в мастерской. Он народный художник, а папа никто. Поэтому все заказы на скульптуры распределяются только через Малышенко. Папа все ваяет, а Малышенко под своим именем все про-

дает, Мало того, что гроши папе платит, но он даже фамилию папину не позволяет в прессе упоминать. А вы о выставках говорите! В выставках в нашей стране только заслуженные и народные участвуют или блатная молодежь.

- Таких гадов, как Малышенко убивать надо. Только ты ... знаешь... Да не убивайся ты так. Черт с ним с этим Малышенко... - произнес Мишка неуверенно.

- Да я то что. От несправедливости сердце у отца разрывается. Пьет он много. Погибает человек. На глазах погибает. Вам это трудно понять. Маму жалко. Все понимают, что отец погибает, а сделать никто ничего не может - ни его друзья, ни он сам. Все боятся этого монстра Малышенко. Связываться с ним никто не хочет, - голос Ленки сорвался от волнения.

- Музыкант! Ты сам часто говоришь, что в жизни всегда есть выход. Софист наш, помнишь, как-то выдал: « Если ты хочешь, чтобы жизнь улыбалась тебе, подари ей сначала свое хорошее настроение», - попытался успокоить друга Мишка

- Посмотрите на эти скульптуры. Разве они не чудесны? - перебил его Ленка, вытирая слезы с глаз.

- А это что за скульптура? - неожиданно спросила Актриса, чтобы отвлечь друга от печальных мыслей.

- Эта скульптура, Актриса, называется «Любовь», - оживился Ленка. - Папа изваял ее в день свадьбы и подарил маме.

Девушка взяла скульптуру в руки и зачарованно смотрела на нее. Неземная гармония любви мужчины и женщины

были запечатлены в металле настолько ярко и необычно, что человек, даже не искушенный в тонкостях искусства, легко мог назвать это творение уникальным. Как смог художник так трепетно и вдохновенно отразить духовную силу горячей любви двух одиночеств в холодном металле? Это можно объяснить только одним словом - талантом.

- Если бы у меня была эта великолепная скульптура, то я бы смотрела на нее вечно... - мечтательно произнесла Алена

- И не поступила бы в институт. В желании выражается сущность человека. Актриса! Ты мечтаешь о любви! Это опасно. Я тебя предупреждаю, как человек знающий любовь не по книжкам. Любовь, Актриса, это помрачение рассудка, - вставил Ленька высокопарно театрально, в своей шутиливой манере.

- Ну и пусть. Хочу сойти с ума от любви настоящей... - прошептала девушка и, о чем-то глубоко задумавшись, медленно поставила скульптуру на место. И, не отводя глаз, все так же продолжала смотреть на живую любовь, согревающую холодный металл.

- Я не знаю, я даже не представляю, как помочь твоему папе - трогательно произнес Мишка.

- Вы уже помогли, - отозвался Ленька.

- Чем? - спросила Актриса.

- Тем, что пришли со мной сюда. Мне больше ничего не нужно... Мне очень жаль отца. Очень жаль... Но что делать?

На следующий день Мишка с заговорщицким видом на перемене собрал друзей в углу за столиком школьного буфета.

- У меня есть потрясающая идея насчет скульптур Ленкиного отца.

- Какая? - спросила Алена.

- Я знаю, как мы спасем любовь...

- Как говорит мировой опыт, остановил его Димка, - подобные заговоры возникали в романтических мозгах часто, но реализовывались крайне редко. Ты, может, заодно спасешь и дружбу, благородство, честность, нежность? - теперь он уже язвил в своей высокомерной манере.

- А ты все равно не поймешь, Софист! Надо меньше спать! Я говорю образно о скульптуре Ленкиного папы! - огрызнулся Мишка.

- Голос истины противен слуху! - говорят мудрецы. О какой скульптуре ты здесь вещаешь, Морячок? Тебя, мне кажется, штормит сегодня капитально, - невесело засмеялся Димка.

- О скульптуре Ленкиного отца, которая Актрисе так понравилась. У меня есть идея, как помочь отцу Музыканта, - пояснил Морячок.

- Избегай дел, зависящих от других, стремись к тому делу, которое зависит от тебя самого, - изрек Софист.

- Очень умно. Поэтому я предлагаю Димке обеспечить нам визит к главному архитектору области и тогда мы...

- Что за детство. Вы вчера, чем ночью занимались, что наутро любовь спасаете? Архитектурой увлеклись не на шутку. Бред какой-то, - надменно произнес Софист.

- Мы друг друга понимаем! А тебе долго рассказывать. Лучше помоги в хорошем деле, - произнесла настойчиво Актриса.

- У вас так все просто устроено, как в детском саду... Вы мне даете комсомольское поручение спасти папу Ленки? Пойми те же! Областной архитектор - это величина. Я его лично не знаю. Да и с какого перепуга я буду организовывать какую-то встречу по спасению шизофренической скульптуры-любви, - раздраженно произнес Дима.

- А ты мне хвастался, что все можешь, а к какому-то архитектору попасть и то слабо... - пренебрежительно произнесла Алена, глядя Димке пристально в глаза. Она знала, что он не выдержит ее прямого взгляда. Актриса была уверена, что она раззадорит Димкино самолюбие.

- Если договоришься - пойдем с тобой в кино вдвоем на вечерний сеанс, - кокетливо улыбаясь, произнесла Актриса, отчего глаза Димки неожиданно заблестели.

- Я подумаю... Если и договорюсь, то пойдете сами. Мне нельзя. Сами понимаете, семейное положение... - важно и свысока посмотрев на друзей, произнес Димка как-то снисходительно.

- Да ладно, Софист, - возмутился Мишка - ты только договорись. Мы без твоей помощи этого архитектора по косточ-

кам разложим и сложим.

- Все-таки молодец Софист, пообещал и выполнил, - восторженно верещала Алена, поднимаясь по массивной лестнице Областного Дома Архитекторов.

- Ладно тебе, Актриса, ему арии петь. Он только перед тобой и хотел себя показать, - ревниво парировал Мишка.

- А ты, что ж, ничего показать не можешь? - игриво заметила девушка.

- У меня московского дедушки, от звонка которого все местное начальство готово бежать, куда он скажет, к сожалению, нет, - сухо произнес Мишка-Морячок.

- Нет, Морячок, здесь ты не прав. Димка, молодец! Если этот дядька папе поможет, то я ему век буду благодарен, - с надеждой добавил Ленька.

Табличка «Главный Архитектор» выглядела так торжественно, что наши герои на минуту усомнились в правильности принятого решения идти к такому большому начальнику. Однако время для раздумий у них оказалось совсем мало.

Неожиданно перед ними вырос небольшого роста смешной лысый добряк, на вид лет шестидесяти. Он обнял ребят за плечи и повел за собой в просторную приемную.

- Таисия Сергеевна, это ко мне гости, сделайте нам, сударыня, непременно горячего чаю, - весело скомандовал он.

Ребята глядели по сторонам, не веря своим глазам - са-

мый главный, самый грозный архитектор области, от которого может зависеть судьба будущего великого художника - это милый добрый лысый человек.

Друзья сидели в просторном кабинете на высоких мягких стульях за большим столом, заваленным папками с чертежами. Хозяин кабинета громко отвечал то на один, то на другой звонок, весело поглядывая на них. Его приятная открытая улыбка говорила им - «Извините друзья меня за эти звонки. Не имею права не взять рубку. Работа есть работа».

А ребятам становилось стыдно оттого, что они отвлекают этого занятого государственного человека своими казавшимися теперь незначительными личными просьбами.

Наконец, ответив на какой-то очередной важный звонок, Иван Пантелеймонович, отхлебнув смачно глоток чая из стакана, обрамленного изящным серебряным подстаканником, подчеркнуто заинтересовано спросил у ребят:

- Что молчите, молодежь? Чем могу вам помочь?
- Ничем, - неожиданно отрезал Ленка. - Пошли ребята.
- Ему стало невообразимо стыдно за эту наглую выходку с походом к областному архитектору.

- Нет! Так не пойдет. Без чая из этого кабинета еще никто не уходил. Да и от Таисии Сергеевны мне достанется. Она готовилась, ждала вас - конфеты, бублики купила, а вы сбежите. Нехорошо. Успокойтесь и рассказывайте. Не каждый день ко мне такие делегации ходят. - Главный архитектор просто и по-доброму улыбнулся. Эта улыбка успокоила

ребят и придала им уверенность.

- Вот, посмотрите, - Мишка смело достал пачку заранее подготовленных фотографий. Четыре ночи друзья фотографировали и печатали работы Ленкиного папы, пока не добились необходимого качества фотографий.

- Любопытно, любопытно. Уникальный подчёрк. Я такого не припомню ни у кого. Очень свежо, романтично, а вот это и с юмором. Занятно. Что же это за фотографии? Что за сюрприз? - Иван Пантелеймонович с неподдельным интересом внимательно рассматривал фотографии.

- Это скульптор Назаров из Пришиба, - выпалила счастливая Алена

- Назаров? Не припомню. Но я думаю, что вы ребята ошибаетесь. У нас в области такими формами точно никто не работает. Ну, разве что Малышенко немного в последнее время стал экспериментировать. Нет. Вы меня разыгрываете, молодые люди!

- Да нет же. Это мой отец. Просто он работает с Малышенко, и тот использует папу. Поэтому папу никто не знает, а папа очень талантлив, но он такой скромный... - сбивчиво заговорил Ленка

- Понимаю, понимаю... - грустно произнес хозяин кабинета и как-то нервно достал сигарету и закурил.

- Сделайте хоть что-нибудь, - взмолилась Алена, видя неуверенное поведение главного архитектора, - человек погибает от непризнания. Ведь вам же понравились его рабо-

ты?

- Да, работы без сомнения заметные, но... - Иван Пантелеймонович выпустил вверх несколько клубков дыма и о чем-то задумался...

- Неужели даже вы ничего не можете сделать, - спросила настойчиво Алена, глядя пристально прямо во все еще добрые глаза главного архитектора области.

- Ну, почему ж совсем не могу? Кое-что могу... - хозяин кабинета потушил сигарету в огромной пепельнице и глаза его снова весело заблестели. - В конце концов, чем черт не шутит... Сейчас мы заканчиваем комплектацию выставки нашей области в Центральном Доме Художника в Москве. Думаю, что мы успеем включить в экспозицию с десяток работ вашего скромного Назарова, - заключил он и улыбнулся.

- Вот это здорово, - восторженно закричала Алена - Она готова была расцеловать от счастья весь мир и этого лысого дядечку. Ведь, по сути, он спасал любовь - ту скульптуру, которая так потрясла девичье воображение.

- Спасибо вам, спасибо... - невпопад восторженно благодарили ребята, так и не притронувшись к чаю и конфетам.

- Перестаньте! Всем кто-то когда-то помогает, а здесь случай особый - у художника есть юные покровители. Молодежь нередко интуитивно разбирается в искусстве больше, чем некоторые искусствоведы - отличает настоящее от подделки. В вас нет пока жизненной конъюнктуры. Я даже вам спасибо скажу, ребята. Мне ведь тоже когда-то кто-то в жизни по-

мог... - Иван Пантелеймонович глубоко задумался о чем-то грустном и сделал вид, что не заметил, как друзья выскользнули из кабинета и исчезли за массивной дверью.

Григорию Назарову недавно исполнилось тридцать восемь лет. Он выглядел намного старше своих лет из-за густой экстравагантной бороды, которая, казалось, спрятала от мира не только все его лицо, но и самого художника. Именно в этот день он получил самое важное письмо в своей жизни.

- Представляешь, дорогая, я еду на выставку в ЦДХ в Москву! - выкрикнул Назаров жене прямо с порога, вваливаясь как всегда слегка выпившим в маленькую двухкомнатную хрущевку.

- Ты ничего не придумал, Гриша? - удивилась Ольга.

- Да я сам глазам не верю, но вот, полюбуйся, официальное приглашение на мое имя об участии в выставке, подписанное самим главным архитектором области. Вот - черным по белому. Имею право выставить десять моих работ в центральной экспозиции. Я тебе говорил, дорогая Олюшка, талант он любую стену пробьет,- Назаров от гордости так расправил свои сутулые плечи, что Ольге показалось, будто он стал выше сантиметров на десять.

- Ничего не понимаю, Гришенька. С чего это к тебе такое внимание. Тебя даже на областные и городские выставки не зовут, а тут сразу Москва. Чудеса какие-то... - удивлялась она, внимательно рассматривая важную бумагу.

- Я говорил тебе, что звездный час будет и у меня. Неси водку, жена. Отметим... - радостно продекламировал Назаров.

- Дай Бог, Дай Бог, Гришенька. Но что-то поздно этот звездный час к тебе пришел. Водки в доме давно нет, а та, что не в доме, наверное, вся выпита... - с сожалением произнесла Ольга.

- Оленька, может ты права и мне не ехать в эту Москву? Все равно везде эта малышенковская мафия. и меня не пустят никуда, - обреченно произнес художник и по привычке снова сгорбился, превратившись в маленького, несчастного гнома.

- Бери, собирай чемодан и вперед покорять столицу! Надо в любом случае что-то делать, Растрелли! Только прошу тебя, много не пей и деньги не транжирь. Мне еще за садик за три месяца долги надо гасить. Да что тебе об этом говорить... Все равно, что в стенку горохом. Творческая натура...

Центральный Дом художника был полон людьми и шумел ульем восторженных голосов. Назаров долго уговаривал накануне руководителя областной делегации, своего давнего патрона Малышенко, хотя бы одну работу выставить в центральной экспозиции, в галерее, где были представлены именитые мастера области.

- Назаров, дружок, у тебя скульптурки, по сути, согласись,

какие-то детские, как по исполнению, только не обижайся, так и по характеру, - Малышенко снисходительно по-отечески улыбнулся. Ему было за шестьдесят, но выглядел он моложе, сияя энергией здоровья и самодовольства. - Я из благородства и любви к тебе согласился взять тебя в экспозицию, но разместить могу только, прости, в детскую галерею, - не терпящим возражения тоном объяснил Народный художник.

- Но в письме ведь сказано - десять работ для центральной экспозиции. Вы меня хотите уничтожить, сделать посмешищем перед всеми художниками страны. Я ведь пригласил на выставку своих однокашников по Суриковскому училищу, - запричетал Назаров

- Брось, Назаров, ты хороший мой помощник. Я тобой доволен. Не лезь впереди батьки в пекло. Будь скромней. Не ожидал я от тебя такой гордыни, не ожидал, - Малышенко, театрально выражая свое недовольство, насупил брови.

- Но в каталог выставки мои работы можно было включить? Это же не справедливо, - еще более безнадежным тоном, полным мольбы, произнес Назаров.

- Слушай, не выводи меня из себя. Скажи спасибо, что взяли твою ерунду в Москву. Будешь своим детям и внукам хвастаться, что здесь выставлялся, а в центральных залах или коридоре - истории это уже не важно, - по отечески похлопав Назарова по плечу, завершил разговор Малышенко.

Назаров одиноко сидел на стуле в коридоре среди детских рисунков учеников детских художественных школ и вспоминал, как и он когда-то учился в такой школе и учителя прочили ему великое будущее...

Редкие посетители забредали в этот уголок ЦДХ. В основном это были родители с детьми да граждане, желающие посетить туалетные комнаты, расположенные рядом. Иногда Назарову приходилось объяснять заблудившимся посетителям, как к ним пройти.

Скульптуры свои после долгих раздумий он все-таки выставил в детском секторе. Он представлял себе, как вернется домой, как будет врать жене о своем успехе, о поклонниках... Назаров давно чувствовал накопившуюся усталость семьи от его постоянных неудач, от отсутствия денег на самое необходимое, от его пьянства, но сделать с собой ничего не мог. Одиночество сдавливало его сердце и возможность вздохнуть полной грудью на мгновения давал лишь алкоголь.

Его жена, без сомнения, была святой женщиной, и терпение ее, казалось, продлится вечно. Но струнки разочарования временами рвались в ее усталом сердце. Назаров знал, что часто вместо покупки вещей для детей, она отдавала деньги на материалы для его художественного творчества.

Неожиданно какой-то надвигающийся гул отвлек Назарова от тяжелых мыслей. Змейка людского потока стала неожиданно приближаться к нему, сверкая вспышками многочисленных камер. «Снова заблудились. Воды, что ли, обпились?

Или массовый понос от чрезмерного потребления шампанского на них напал?», - подумал он.

- Выставку нужно начинать, а не завершать детьми, господа. Не хорошо прятать рисунки детишек так далеко от людей, - раздался громовой голос высокого господина лет пятидесяти с оригинальной тростью в правой руке, придающей ему сразу же особую власть над всеми окружающими.

Чуть ли не наступая на пятки, за незнакомцем семенил восторженно пресмыкающейся походкой Малышенко, пытаюсь вписаться в шеренгу первого ряда чиновников, сопровождающих важного господина.

- Ну, что ж, посмотрим, как наша смена дает молодые художественные побег, - незнакомец обращался своими речами к маленькому сутулому господину, одетому в строгий дорогой черный костюм без галстука. Назаров узнал в нем директора ЦДХ Орлова. Остальные с вожделием ловили каждое брошенное слово незнакомца, высказывая всем видом почтение, преданность, обожание и другие атрибуты советского подобоострастного отношения к влиятельному человеку, да еще, кажется, из-за рубежа.

- А это что за работы? - неожиданно спросил незнакомец у Орлова, подходя к скульптурам Назарова.

- Я и не знаю. Я формировал основную экспозицию, а детский... - директор стал озираться по сторонам в поисках ответственного помощника.

- Это мои работы, - набравшись смелости, громко сказал

Назаров

- Это наш, можно сказать, периферийный художник. Любитель, по сути. Мой помощник - из толпы донесся голос Малышенкова.

- А вы кто? - строго спросил незнакомец, без интереса взглянув на народного художника.

- Я народный художник России Малышенков Федор Федорович, - он, наконец, вырвался в первую шеренгу и гордо встал рядом с мировой знаменитостью, самодовольно позируя перед вспышками фотокамер.

- И вы народный художник считаете, что это самодеятельное творчество?- громовым голосом спросил раздраженно незнакомец.

- Вот именно, ближе к детским поделкам, - не зная, что ответить, пропел лилейным голосом Федор Федорович.

- Вот из-за таких народных художников, как вы, батенька, наше искусство и теряет гениев. Все они уезжают от вас подальше за кордон. Малевич для вас тоже ведь балуется детскими рисунками, - надменно произнес незнакомец.

Орлов тем временем с нескрываемым интересом рассматривал скульптуру «Любовь».

- Потрясающе, - хмыкнул он многозначительно.

- Как вас зовут, сударь? - поинтересовался с теплотой в голосе незнакомец, обращаясь к автору.

- Григорий. Григорий Назаров, - гордо произнес художник. Этой смелой уверенности в себе, без сомнения, способство-

вали две кружки пива, выпитые незадолго в буфете ЦДХ.

- А меня Эрнс Известный, - по-товарищески дружелюбно и почтительно произнес мэтр.

- Эти работы ... - попытался сбивчиво что-то объяснить Назаров.

- Мне ничего не надо объяснять. Я все и так вижу. За вас говорят ваши работы. У вас истинный талант. У вас особый подчерк модернизма. Да на Западе ваши скульптуры уже стояли бы в центральных залах современного искусства в галереях Парижа и Лондона, - восторженно произнес Эрнст, указав на «Любовь».

- Лувр точно бы купил ваши работы, - поторопился добавить с чувством собственного достоинства Орлов, - и... кстати, ЦДХ после окончания выставки сколько сможет, столько приобретет. Денег у нас, к сожалению, не густо... Но такие уникальные произведения - найдем!

- Подожди, Петя, не спеши. У меня право первой руки, да и рука у меня легкая, поэтому я покупаю вот эту вашу работу для своей нью-йоркской экспозиции современного искусства. Леопольд! - из-за спины Известного вырос высокий отлично сложенный мужчина с блокнотом и ручкой в руках.

- Я вас слушаю! - ответил он с готовностью выполнить любое поручение шефа.

- Оплати достойно вот эту «Любовь», - взгляд знаменитости неожиданно перекинулся на другую работу. - Нет, Леопольд, я возьму еще вот эту замечательную композицию

«Возмездие» и вот эту скульптурку - девочку-балерину обязательно приобрести. Позвольте с вами господин Назаров на память сфотографироваться. Боюсь, в ближайшее время мало кому эта честь будет так легко предоставлена, - с удовольствием подчеркнул Эрнст Известный.

Все это время Назаров находился как во сне. Подобострастные, комплиментарные речи и лобзания Малышенко. Интервью центральных газет и телевидения, контакты с самыми известными коллекционерами, контракты на монументальные скульптуры в Лондоне и Хабаровске, просьбы на проведение персональных выставок в Вене, Стокгольме и Женеве...

В 11 часов утра Григорий Назаров открыл своим ключом дверь маленькой хрущевской квартиры. Он был изрядно пьян. Пьян от вина, восторга, счастья. Была суббота, вся его большая семья сидела за маленьким столиком на кухне и дружно пила чай. Кроме сына, Назаровых бог наградил двумя дочурками. Маше было шесть лет, а Даше всего три годика. Григорий от нахлынувших на него чувств любви к своим детям не смог сдержать слезу.

- Папа приехал! - первая закричала маленькая Даша и бросилась в его объятия. - Папа, что с тобой?

Ольга с удивлением укоризненно посмотрела на пьяного мужа.

- Где твоя борода, Гриша?

- Она мне не нужна. Гриша умер. Родился великий русский художник Григорий Назаров.

Все это походило на пьяный бред.

Ольга, не реагируя на высокопарную речь супруга, сухо произнесла: - Ты же обещал не напиваться, Гриша! Иди спать, - она почувствовала, что произошло что-то важное, но не хотела вести разговоры при детях да еще в алкогольных парах...

- Нет. Никаких снов. Сегодня же мы покупаем самую большую, самую многокомнатную кооперативную квартиру в нашем городе, новую мастерскую, новый гардероб для всех членов семьи и идем всей семьей в ресторан обедать, - продолжал в своей манере восклицать хозяин семьи.

- Ты, по моему, уже с утра и пообедал и поужинал... - со снисходительной улыбкой ответила жена, - тебе надо спать, Гриша, и подумать, у кого одолжить деньги на квартплату. Кстати, в понедельник последний срок платить за садик - за три месяца уже задолжали.

- Вы что, действительно думаете, что я пьян? Я не пьян, я опьянен успехом. Это разные состояния души. Смотри.

Он достал из кармана измятую газету «Культура», развернул ее и гордо ткнул пальцем на фотографию на первой странице. Здесь красовались в обнимку Григорий Назаров и Эрнст Известный. И огромный заголовок поверху просто кричал - «Великий Эрнст Известный зажег новую звезду Григория Назарова».

Потом Григорий достал свой огромный старый немецкий дорожный чемодан, бесцеремонно поставил его на обеденный стол и с гордостью открыл.

Ольга от неожиданности отшатнулась от стола. Чемодан был наполнен до краев пачками сотенных купюр.

- Что это? - только и вымолвила она

- Это мой звездный час, - серьезно произнес художник.

Наступил февраль 1981года.

Утро 1 февраля в школе было как всегда суматошным. Ученики, как муравьи, рассыпались в упорядоченном хаосе в свои классы.

Учитель истории Борис Иванович вальяжно сидел на стуле в просторном кабинете и ждал, когда все ученики, наконец, соберутся на его урок. Ему было за пятьдесят, но глаза совсем не выдавали усталости прожитых лет. Они постоянно с каким-то вечным озорством улыбались. Ребята замечали, как неравнодушно учитель поглядывал на симпатичных старшеклассниц и порой незаслуженно из-за личных предпочтений завышал им оценки.

Прозвище «Хромой» Борис Иванович получил давно, лет пятнадцать назад. Оно передавалось учениками из поколения в поколение. Действительно учитель слегка прихрамывал на правую ногу после автокатастрофы, случившейся в его далекой юности. Борис Ивановича любили его школьные подопечные за природное благородство, самостоятель-

ные суждения, честность и снисходительное отношение к проказам учеников.

Сегодня был особый день. Школа была охвачена невероятными слухами об уходе с работы директора. Говорили даже, что он арестован и находится в тюрьме.

- Актриса! Что-то твоего Миши в школе нет? Папке посылку в тюрьму понес? - язвительно пошутил прыщавый Толик из соседнего класса. Его мама была учительницей, и сын с удовольствием разносил секреты преподавателей среди учеников.

Алена ничего не ответила. Она ждала появления своих друзей. В школу в этот день пришел только Димка. Он ничего не знал о происшедшем.

Чтобы положить конец грязным сплетням, Актриса набралась смелости и подошла к Борису Ивановичу.

- Правда, что у директора неприятности? - глядя в глаза? в упор спросила девушка.

- Все относительно, Алена. Иногда неприятности - это начало больших приятностей, а иногда большие приятности рождают большие неприятности, - иронично ответил учитель.

- Я серьезно вас спрашиваю. Протасов Миша мой друг...
- Я знаю. Не волнуйся девочка. Правда все равно восторжествует, хотя в этом мире зло на определенных фронтах побеждает добро, но это его временные успехи. Садись на место. Пора начинать урок. Я сам многого в этой жизни уже

не понимаю. Не понимаю... - Борис Иванович нервно смял своими большими руками какой-то ненужный листок бумаги и пренебрежительно бросил его в урну.

Алена потерянная села за свою парту.

Иван Степанович Протасов никогда в своей жизни не был в прокуратуре. Последние дни представлялись ему абстрактным жизнесозерцанием, кошмарным сном, который почему-то все никак не прекращался. Верить, что произошедшее - жизненная реальность, Иван Степанович категорически отказывался всем своим существом идеалиста.

Настоящие напасти ворвались в его жизнь ровно неделю назад в понедельник неожиданным звонком из областной прокуратуры. Строгий женский голос властно приказал Протасову явиться к следователю Тимакову в понедельник в десять часов утра и иметь при себе все договора на ремонт школы за последние три года и паспорт.

За десять лет директорства Иван Степанович привык ко всяческим проверкам контрольных органов. Финансовая деятельность школы не оставалась без пристального внимания ГОРОНО, но никаких серьезных замечаний к деятельности народного учителя никогда не было. Директор понимал, что прокуратура - это вам не ГОРОНО. Это то слово, которое звучит устрашающе для любого нормального человека, не имеющего в своем багаже криминального опыта.

«Делать нечего. Надо идти», - думал с волнением Прота-

сов.

Завхоз школы с исконно русской фамилией Дураков, с по-добострастной улыбкой вручил ему запрашиваемые прокуратурой документы, аккуратно уложив их в серую картонную папку.

- У нас все в полном порядке. Даже не сомневайтесь. Я все трижды проверил. Видимо какие-то прокурорские плановые проверки. У нас, вы знаете, семь пятниц на неделе. Партия сказала надо - прокуратура ответила есть.

- Дай бог, - сухо ответил директор и положил папку в большой учительский портфель, очень удобный для ежедневной доставки домой на проверку сотен школьных тетрадей.

Дураков, склонив в присяге верности голову, пожал директору руку и засеменил в сторону пищевого блока.

В понедельник директор приехал в прокуратуру в точно обозначенное время. Из кабинета вышла высокая худая блондинка средних лет и пренебрежительно бросила в сторону Ивана Степановича.

- Протасов? - и не дождавшись ответа сухо предупредила: - Ждите здесь. Вас вызовут.

Прошло два часа. Тревога охватила директора. К такому неуважению он не привык. Иван Степанович вспомнил, что читал в каком-то детективе о психологическом приеме следователей, который так и называется «ожидание». Этот простой способ сбить с толку посетителя, показать, что он, переступив порог прокуратуры, превращается в беззащитную

букашку, оказывается не придуман романистами, а применяется на практике.

Наконец, дверь в кабинет распахнулась, и все та же блондинка пригласила директора.

Следователь - молодой симпатичный парень, лет двадцати пяти с приятным открытым русским лицом, представившийся Юрием Николаевичем, аккуратно складывал какие-то документы в черную потрепанную папку с надписью «Дело № 26-13 81». Увидев директора, он отодвинул папку в сторону, вышел из-за стола и с улыбкой приветливо подал руку.

Начался первый в жизни Ивана Степановича настоящий прокурорский допрос. Сначала, как в кино, шли вопросы-формальности. Протасов старался выглядеть спокойным и доброжелательно отвечал на все анкетные вопросы. Вдруг следователь резко открыл папку с Делом № 26-13 и Иван Степанович узнал сверху лежащие в ней те же отчетные документы, что передал ему для следователя Дураков. Документы явно были копиями, но с чьими-то размашистыми пометками на полях красным карандашом. Как они могли попасть в прокуратуру? Кто их сюда передал? Сомнений нет. Это не плановая проверка - подумал Иван Степанович и ему от этого открытия стало почему-то не только тревожно, но и по-настоящему страшно.

- Зачем вы израсходовали деньги по статье «Уборка территории» на оборудование кабинета физики? Почему Вы вместо трех слесарей приняли одного, а зарплату платили

ему двойную? Почему у вас ремонт школьного рояля был осуществлен за счет поборов родителей?...

Сыпались простые и нелепые, на взгляд Ивана Степановича, вопросы. Удивляла директора абсолютная осведомленность следователя обо всех деталях хозяйственной жизни школы.

Иван Степанович, насколько позволяло ему его чувство самообладания, вел себя спокойно и подробно рассказывал следователю о логике своих действий. Он искренне поведал Юрию Николаевичу о нехватке средств на переоборудование кабинетов, о организованных им школьных трудовых десантах по уборке территории, о том, что эффективнее платить большую зарплату одному хорошему слесарю, чем маленькую троим слесарям - пьяницам и разгильдяям. Юрий Николаевич дружелюбно улыбался и, с пониманием кивая, аккуратно записывал все показания в протокол.

Неожиданно в кабинет влетела сорокалетняя, одетая в прокурорскую форму, невысокая красивая женщина. Каждое ее движение выдавало волю и внутреннюю агрессию. Небольшие красивые зеленые глаза были наполнены злобой ко всему миру. Этот взгляд встречается у прокуроров и милиционеров, чаще видящих рядом с собой преступников, чем обыкновенных людей. Со временем их психика начинает воспринимать каждого человека как потенциального преступника. Юрий Николаевич вытянулся перед коллегой по стойке «смирно».

- Что у тебя? - небрежно и властно спросила прокурор у коллеги, взяв в руки только что составленный протокол, быстро и жадно просматривая его содержание.

- Все в порядке, Алла Сергеевна. Протокол составил, - волнуясь, доложил Юрий Николаевич.

- Читаю я протокол и вижу - ангел к нам спустился на землю. О стране он думал, когда государственными деньгами манипулировал, - прокурор пронзительно посмотрела в глаза Ивану Степановичу, отчего его изнутри зазнобило. - Я вас насквозь вижу, - прошипела она. - Как я вас ненавижу. Сколько я таких ангелов в тюрьму отправила. Не в двухместной камере будешь у меня сидеть. Десятиместную тебе выпишу. Узнаешь с зэками правду жизни. Вы член партии? - резко спросила женщина.

- Да, - подавленно ответил директор школы

- Уже считайте, нет. Сейчас мы это быстро решим. Соедини меня с первым или вторым секретарем Горкома партии, - властно произнесла прокурор.

Юрий Николаевич послушно схватил трубку телефона, затем положил ее на место и стал нервно листать телефонный справочник. От волнения он долго не мог найти нужный номер. За это время страх, ужас, паника охватили все существо Ивана Степановича. Он впервые в жизни был так оскорблен, унижен, подавлен. В сознании его появились страшные картинки позора его детей - детей исключенного из партии. Протасов сквозь помутневшее сознание слышал

дерзкие, страшные обвинения в свой адрес и грозные рекомендации секретарю горкома партии рассмотреть его персональное дело быстрее, еще до суда. Тошнота, сопровождающаяся головокружением, подступила неожиданно остро, потом жара и... Иван Степанович сквозь сон видел, то испуганные глаза доброго следователя Юрия Николаевича, то зеленые ведьмовские глаза его губительницы. Потом они исчезли, и он поплыл в теплых струях воздуха куда-то очень далеко...

- Ваш отец очень тяжелый. Ему нужны только положительные эмоции. Разрешаю вам встречу на несколько минут. Не все, молодой человек, зависит от медицины, но мы делаем все возможное...

Мишка почувствовал в этот момент, как земля проваливается под его ногами. Он еще раз понял, как он любит своего отца, как ему страшно остаться без него на этой земле. Он укрылся в туалете и надрывно зарыдал, смывая горячие слезы холодной водой, шумно струившейся из проржавевшего крана.

В палате Мишка увидел, кажется, совсем незнакомого человека - отец лежал беспомощно, обложенный прозрачными трубками, по которым пульсировали разноцветные жидкости. Воскового цвета лицо казалось чужим и холодным. Мишка подошел с дрожью в коленках к кровати. Неожиданно отец открыл глаза и попытался улыбнуться.

- Ну что, папуля, ты здесь решил отдыхать? Врачи говорят, что у тебя все почти в полном порядке, и ты через неделю выпишешься. Говорят, нужно немного отдохнуть и снова за работу. - Мишка произносил эти слова театрально весело, пытаясь зарядить отца энергией жизни.

- Ник... - отец что-то тихо прошептал.

Мишка понял, что папа хочет сказать что-то очень важное, нагнулся ближе к изголовью.

- Никого не слушай. Я не виноват. Я докажу. Я не сдамся, - глаза отца закрылись и из них выскользнули две совсем маленькие, еле заметные серебристые слезинки.

- Я в тебя верю, папа, - произнес тихо Мишка, беззвучно заплакал и не в силах ощущать ужас холода, исходящего от почти безжизненного тела, быстро поцеловав отца в небритую щеку, выбежал из палаты.

Димка жил в большой квартире. Ее помпезность его ничуть не смущала. Он привык с детства утопать в роскоши и комфорте.

Семья его была издавна известна в городе Пришибе. После революции Димкин дед Самуил Игнатьевич стал в округе первым председателем колхоза, затем первым секретарем райкома партии, горкома партии. Потом, близко познакомившись с Леонидом Ильичем Брежневым на войне, на Малой Земле, неожиданно получил в шестидесятые годы назначение на хозяйственную работу в Москву. В городе ходили

сплетни, что в московской квартире Самуила Игнатьевича во всю стену висят фотообои с изображением их дружеских объятий во время охоты, с повергнутым у ног кабаном.

Для Пришиба Самуил Игнатьевич был личностью музейной - почетный гражданин города, орденоносец. Отец Димы - Леонардо Самуилович стал уже в сорок два года доктором военных наук, генералом инженерных войск. Несмотря на долгую работу в областном центре, он так и не решился переехать из родного Пришиба - слишком прикипела душа к величественным просторам малой Родины. Так и ездил генерал ежедневно в течение пятнадцати лет за сто километров на службу за рулем своей любимой «Волги».

Мама, Татьяна Ивановна, в прошлом обыкновенная учительница литературы, быстро стала в городе важной фигурой - заведующей ГОРОНО. Повсюду судачили, что она занимает эту должность по протекции того же великого Диминого дедушки. Димка не обращал внимания на сплетни, густо произраставшие на почве зависти, вокруг его заметной в дивном городе Пришибе семьи. В свои шестнадцать лет он воспринимал жизнь как взрослый. Для него полезные связи являлись всего лишь необходимым атрибутом жизненного успеха. А если так, то какой смысл этого стесняться. Каждый в жизни свободен, распоряжаться собственными ресурсами. А зависть человеческая неистребима...

Сам Димка был уверен в своем великом будущем, predetermined рождением в семье благополучных людей.

Кроме того, он обладал потрясающим трудолюбием, доставшимся ему в наследство, видимо, от бабушки-немки. Дима очень старался сконструировать свое будущее более эффективно, чем это получилось у отца-генерала. Он наизусть знал сотни афоризмов великих философов и старался постоянно, как советовал ему дед, применять их на практике. Поэтому ребята и прозвали его Софистом. Он хотел достичь всего в жизни сам, как его великий дед. Димка часто думал: Самуил Игнатьевич - живет в Москве, обедает каждый день в ресторанах, богат, влиятелен... Вот эталон для подражания в жизни. Другое дело отец. Мама правильно ругает отца, сравнивая его с безвольной тряпкой, прибившейся к берегам Пришибки. При связях деда он мог бы давно занимать солидный пост в Министерстве обороны в Москве. Может быть, стал бы и маршалом Советского Союза. Леонид Ильич мог это устроить из уважения к деду. Сколько раз предлагал дед отцу самые лакомые варианты для блестящего продолжения карьеры... Ну, нет, папа человек независимый и со своей независимостью прозябает в великом Пришибе и будет прозябать здесь вечно до скончания своих дней.

Диму очень раздражали мужицкие привычки отца, тяга к разухабистым компанейским сборищам, к пьянкам с друзьями. Нередко он приходил домой пьяным глубоко за полночь. Димка подглядывал, как мама ругала его и унижительно опустошала отцовский кошелек, отбирая все до копейки. Затем шарила по карманам, изымая заначки. Татьяна Ива-

новна оставляла мужу ровно один рубль на обед следующего дня.

Отец не пропивал денег. Мать ему этого просто не позволяла. Угостить же единственного в Пришибе добряка-генерала было честью для каждого уважающего себя жителя славного города.

- Ты с Протасовым-то еще дружишь? - спросила неожиданно мама Димку за семейным завтраком в воскресенье.

- Как говаривали мудрецы, мама, «Друзья приятны, когда в них возникает потребность»... Мишка хороший парень. Конечно, я с ним дружу. Ты ведь сама знаешь, - ответил Димка, поглощая аппетитно загорелые на сковороде блины со сметаной.

- Ты не обижайся, Димуля, но тебе с Протасовым не по пути... - категорично заявила Татьяна Ивановна.

- Это почему же? - равнодушно спросил Димка, на секунду оторвавшись от еды.

- Не по пути и все. Неприятности у его отца большие, и тебе и всем нам от их семьи надо быть подальше, - пояснила мать.

- Ты что, Татьяна? Если у отца проблемы, Мишка-то здесь причем? Что ты такое говоришь, мать? - искренне возмутился Леонардо Самуилович.

- Ты-то еще не вмешивайся не в свое дело! Нам с семьей уголовников нечего делить, - отрезала Татьяна Ивановна.

- Какой он уголовник? Ты что мать, городишь? - не ожи-

данно закричал громко генеральским голосом отец.

- Мне секретная телефонная депеша уже с области пришла. Рекомендовано Мишу Протасова на золотую медаль не пропускать. Будем давать команду его валить на экзаменах. Политика... - тихо, почти шепотом произнесла мама.

- Как это не пропускать? Как это валить? - удивился генерал

- Так, не пропускать. Не будь ребенком. Все ты понимаешь. Просто притворяешься вечно. В глупенького лейтенанта все играешь, - надменно произнесла Татьяна Ивановна.

- Лучше бы и не понимал и не знал. Страшная у тебя, жена, работа! - жестко заявил Леонардо Самуилович.

- Почему ж она страшная? - недовольно спросила Татьяна Ивановна.

- Потому что вы судьбы человеческие калечите.

20 февраля день рождения Мишки проходил в особой обстановке. На первый взгляд, все было как всегда, пирожки с грибами, капустой и мясом, вкусные пельмешки, чебуречная мамина симфония... Зинаида Сергеевна хлопотала на кухне, но по ее осунувшемуся лицу ребята понимали, сколько страданий выпало в последнее время на долю этой женщины. Отец неделю назад выписался из больницы, но, узнав, что он заочно исключен из партии и уволен из школы тут же угодил туда вновь с сердечным приступом. Димка, ссылаясь на занятие с репетитором, на день рождения не пришел. Лен-

ка изо всех сил пытался развеселить друзей болтовней про новые проекты своего отца, про проделки младшей сестры Даши.

- Обычно, когда родителей нет дома, трехлетняя Даша творит чудеса. Вчера кричит мне из туалета: «Леня, я покакала, вытри мне, пожалуйста, попу».

Я без энтузиазма подхожу к ней, а Даша со спущенными штанами мне говорит важно, видя мое недовольство: «Когда я была маленькая, я однажды вытерла попу сама».

- И что? - спрашиваю я.

- Представляешь, рука в попе так застряла, что я ее еле вытащила. Представляешь, Леня?

Актриса была задумчива и лишь делала вид, что внимательно слушает Ленькины прибаутки, грустно улыбаясь.

Мишка тоже хотел развеселить друзей и припас свою историю.

- У нас Маша путает слово «насос» со словом «понос». И вот две недели назад у нее спустило колесо на велике. Она естественно решила попросить насос у соседа дяди Бори. Стучит в дверь к соседям. Открывает ей четырнадцатилетняя соседская дочь Катя.

- Катя, у твоего папы есть понос? - спрашивает Маша.

- Что? - недоумевает соседка.

- Понос у папы твоего есть или нет? Спроси, пожалуйста, - настаивает Маша.

Катя в полном замешательстве к отцу с расспросами. Мол,

у тебя, папа, интересуется соседка Маша насчет поноса. Есть у тебя понос или нет?

- Морячок, ну ты с поносом, признайся, заливаешь! - усомнился, смеясь, Ленька.

- Нет, ребята, это правда, я сама свидетель. Дядя Боря ко мне в этот день приходил и настойчиво спрашивал, почему моя дочь так интересуется работой его кишечника. Все, закрыли эту гастрономическую тему. Мы за столом и у меня, друзья, для вас сюрприз! - как можно веселее произнесла мама.

- Что, у нас есть добавка пельменей? - пошутил Ленька.

- Не угадал, но добавке пельменей сюрприз никак не помешает.

- Неужели насос? - пошутил Музыкант.

- Я приготовила сюрприз заранее, а вспомнила лишь сейчас, - торжественно произнесла мама.

- Лучше поздно, чем никогда, - пошутила Актриса, мило улыбнувшись.

- Вот именно. Вы же совершеннолетние! - улыбнулась таинственно мама.

- Да, мы взрослые и можем теперь смотреть запретные фильмы для тех, кому уже шестнадцать лет, - пошутил Ленька

- Да вы, я думаю, их давно все пересмотрели, а вот мой сюрприз - вы в этом доме выпьете впервые, - она достала из шкафа бутылку «Советского шампанского» и поставила на

стол, - ну, что, Мишуля, угощай гостей.

- Ну, мам, ты даешь! - воскликнул с восторгом именинник.

Миша с явным волнением залпом открыл бутылку и неуклюже разлил игристый напиток по хрустальным бокалам.

- Миша, С Днем рождения! - закричали друзья, весело звеня хрустальным перезвоном.

- Ребята, у отца есть друг, однокашник по Суриковскому училищу, известный азербайджанский скульптор Нурсал Нурсалов. Приехал он к нам осенью в гости. Открыли вот так же дома за столом шампанское. Сидим пьем...

- А тебе родители с третьего класса шампанское наливают? - спросила Алена, сверкнув в Ленькину сторону, слегка захмелевшими задорными глазами.

- Нет! Что-ты, Актриса... с пятого класса, - парировал Музыкант.

- Так вот. Наш гость как-то странно после выпитого шампанского стал себя вести. До шампанского был веселый, а тут стал таким серьезным, сосредоточенным, морщится, ерзает на стуле очень уж комично. Отец заметил неадекватное поведение друга и спрашивает.

- Нурсал, что-то не так?

- Да, нет, мне просто хватит пить. У меня что-то с головой происходит, - с акцентом тревожно ответил гость.

Позже он рассказывает нам историю.

- Сижу я с вами, пью шампанское и появляется ощущение,

что мне на лысину что-то капает и так четко раз в десять секунд - кап, кап, кап. Ну, думаю, с ума схожу. Все вокруг веселые, а у меня шизофрения начинается... пора к врачу бежать... И тут, что вы думаете?

- Ничего не думаем, - отозвался Мишка, - я выпил шампанское и захмелел, а по голове ничего мне почему-то не капает или я мало выпил...

- Когда отец открывал шампанское, то пробка вылетела и струя попала на потолок как раз в том месте под которым сидел Нурсалов, и шампанское со временем стало капать на лысину нашего гостя. Смеялись мы долго, а наш гость был так счастлив, что утомонили мы его только к утру.

- А меня вы от шампанского тоже не утомоните до утра. Я хочу танцевать и немедленно и приглашаю на танец Мишу, - засмеялась весело Актриса.

- Вот так! Я стараюсь, очаровываю девушку своими веселыми историями, а тихоня Морячок сидит, молчит и в результате... бац... девушка танцует с ним, а не с очаровательным рассказчиком, - театрально возмутился Ленька.

- Не переживай, что ты второй. Слава богу, Димки нет, а то бы ты был третьим, - засмеялась девушка.

- Пока Зинаида Сергеевна на кухне рассказываю анекдот. Наш мудрый Софист у деда его подслушал, - затараторил Ленька. - Приезжает второй секретарь горкома партии домой поздно ночью. Потихоньку ложится к жене в кровать и причитает: «Как все надоело. Все время второй. Как в Москву

на пленум партийный ездить, так первый. Как с первичками проблемы решать, так второй. Как за границу делегации возить, так первый. Как отчитываться за срывы городских показателей строительства жилья, так второй...». Жена сквозь дремоту поворачивается к нему и говорит: «Коль, когда будешь приходить раньше с работы, будешь первым». Так что не только я страдаю быть вечно вторым.

- Ну, ладно, бедолага, уговорил. Второй танец твой, - кокетливо пообещала Алена.

В дверь неожиданно позвонили. Когда ее открыли, как будто ураган ворвался с улицы в уютную комнату, наполненную праздником. Это был крестный Мишки - Станислав Кузьмич Зимин, недавно занявший пост председателя горисполкома Пришиба. Станислав Кузьмич, одноклассник Мишкиного отца и давний друг семьи, переживал неприятности, происходящие с другом. Весельчак, балагур, добрейшей души человек он был любимцем всего города. На новогодние каникулы на центральной площади Пришиба, носящей имя вождя мировой революции Владимира Ильича Ленина, Станислав Кузьмич впервые в истории Пришиба соорудил для ребят грандиозный ледовый аттракцион. Это были такие необычные горки, что даже взрослые не могли удержаться от соблазна вспомнить детство и всласть покататься на них.

Презентовать свое детище в новогоднюю ночь решил сам глава города. Все было бы хорошо, если бы Станислав Кузь-

мич при своем маленьком росте не имел большой живот и не напоминал комплекцией колобка из русской сказки. В придачу к этому обстоятельству, ледяное горло Батки Черномора архитекторы сделали не слишком широким, рассчитывая, видимо на детей. Градоначальник, в одеянии Деда Мороза гордо взобравшись по лестнице на голову ледяному гиганту, помпезно поздравил весь народ Пришиба с Новым Годом и личным примером решил показать, как весело нужно пользоваться его ледяными изобретениями. Под ликующие возгласы толпы он покатился по ледяному желобу и на большой скорости влетел в горло исполина, застряв в нем. Часа три помощники главы города, потом милиция и, наконец, пожарные вытаскивали из игрового плена веселого Станислава Кузьмича, не переставшего по микрофону балагурить, шутить, комментируя все этапы своего заточения и спасения. За новогодним столом каждая семья обсуждала эту историю. Этот Новый год стал, пожалуй, самым веселым за всю историю Пришиба.

Станислав Кузьмич в синем пиджаке без галстука вкатился в комнату, расцеловал всех ребят, попросил налить себе рюмку водки и важно с улыбкой заговорил:

- Мишутка, поздравляю тебя с днем рождения, желаю тебе здоровья, поступить в институт, хороших друзей, красивую невесту, - он многозначительно посмотрел на Алену. Мишка густо покраснел.

- Жизнь - это путешествие по удивительной стране с неве-

роковыми приключениями, испытаниями и препятствиями, - он снова посмотрел на Алену, - и здесь, друзья, главное оставаться благородными, честными людьми, преданными товарищами. Вспомните меня через годы. Я-то знаю, что такое удача, я знаю, что такое счастье, я знаю, что такое жизнь. С днем рождения, сынок! Ура?»

- Ура! - закричали ребята, а гость, как фокусник, достал неизвестно откуда большую подарочную коробку и вручил ее крестному сыну.

- Ну, что молодежь, веселитесь, а мы с мамой на кухне по-стариковски пошушукаемся, - весело произнес крестный и быстро исчез на кухне. А от него осталась аура веселья, которую невозможно погасить в один момент. Ребята подхватили полученный заряд хорошего настроения, наслаждаясь беззаботностью, жадой жизни, которая называется простым словом - молодость.

- Иван мне не понравился, Зина. Я сегодня был у него в больнице и врач мне сказал, что он слишком потрясен случившимся. В таком состоянии он долго не протянет. Надо что-то предпринять... - сказал Станислав Кузьмич.

- Я знаю, - ответила, блеснув слезой, Зинаида Сергеевна.

- Я думаю эту безысходность в его настроении надо ломать, - тревожно произнес гость.

- Каким образом?

- Надо писать в ЦК партии самому Брежневу, в Комиссию

партийного контроля товарищу Пельше. Надо что-то предпринимать. Надо идти до конца, - шепотом произнес Станислав Кузьмич.

- Что ты говоришь такое, Станислав! Писать в ЦК - это идти против всей системы! Нас просто раздавят! Разве Москва услышит голос обыкновенного обиженного члена партии? - шепотом возмутилась Зинаида Сергеевна.

- А есть другой выход? Сегодня его действительно могут раздавить. Я был у первого секретаря горкома партии. Он все понимает, но опять же связываться с областной прокуратурой не хочет, да и в обкоме все молчат и делают вид, как будто ничего не происходит. Да вот еще что. Ты в курсе, что на Ивана два месяца назад подавали представление от обкома партии на присуждение почетного звания Героя Социалистического Труда?

- Он мне об этом не говорил, - ответила удивленно Зинаида Сергеевна, - ты же знаешь его...

- Скромняга! Ты права. Дело здесь, Зина, не такое простое. Откуда ветер дует страшно даже представить. Иван - народный учитель, плюс школа образцовая, столько лет по всем показателям одна из первых даже по России и, скажу тебе тайну, что его месяц назад обком внес в резерв на секретаря горкома партии по идеологии. Поняла в чем петрушка? - совсем тихо поведал гость.

- Господи! Так вот в чем дело! - воскликнула Зинаида Сергеевна.

- Зинаида! Доверься мне. В области правды нам искать нечего. Я уверен, что нам можно надеяться только на Москву.

- Стас тебе видней, но Ваня должен сам решиться на этот шаг.

- Я попробую уговорить его, тем более понятно, что дело сфабриковано людьми, не заинтересованными в его карьерном росте. Кому-то он перешел дорогу, и его в покое не оставят, пока... Ну, ладно и так все ты понимаешь. Если мы, Зина, не будем за справедливость драться, то как этим ребятам в глаза смотреть будем, - горько воскликнул Станислав Кузьмич.

- Прошу, осторожней. Ты хоть, Стас, шашкой не маши. Время не то, - запричитала расстроенная женщина.

- Все мы, Зина, на время киваем, а время-то это мы сами... - возбужденно сказал мэр.

- Ну, ну, ну... разошелся... Я ведь женщина, у меня дети и мне просто страшно, - Зинаида Сергеевна не выдержала и заплакала.

- Прости, Зина, я не хотел тебя расстраивать. Успокойся, - виновато произнес гость - ну мне пора. Держись, с именинником тебя. Мы еще повоюем...

- А сейчас, ребята, контрольная работа. Учебники спрятать в портфели. Мозги наружу. Время даю десять минут. Задания индивидуальные.

Светлана Михайловна, симпатичная блондинка лет тридцати с зелеными холодными глазами, была классным руководителем параллельного класса. Она неистово мечтала выпустить медалиста, но, увы, в ее классе кандидатов на медаль не было. Два года Светлана Михайловна переманивала Морячка в свой класс, но Мишин отец, будучи директором школы, резко прерывал любые хитроумные попытки завладеть будущим медалистом. За это она какое-то время дулась на директора, но, поняв безрезультатность своих попыток, успокоилась.

Мише было тяжело учиться в школе отца. Быть сыном директора и не отличником - это, по крайней мере, неприлично. В итоге ему приходилось каждый день подтверждать объективность лидерства в знаниях, хотя это было совсем не просто.

Уже два года он сидел с Актрисой за одной партой. Алена по природе гуманитарий, математику откровенно недолюбливала. Морячок, напротив, без энтузиазма изучал историю, географию, а сочинения и вовсе писал с большим трудом. Как не старалась Актриса передать ему хоть частичку своего литературного дарования - все бесполезно. «Ты же романтик, Морячок! Ты должен уметь писать сочинения!», - часто твердила она. Все тщетно. Мишка писал сочинения без толики эмоционального полета, но крайне технологично, как и следует математику. При этом он завоевывал свои пятерки за счет великолепного знания материала и природной гра-

мотности.

Напротив, по математике Актриса только исключительно при помощи Мишки еле вытягивала в четвертях пятерки и была ему очень благодарна за взаимовыручку.

Вот и сегодня Мишка за десять минут справился со своим заданием и потихоньку, по просьбе Алени, стал проверять ее задания, аккуратно исправляя, допущенные ею ошибки. Он так увлекся этим занятием, что не заметил, как Светлана Михайловна оказалась рядом с ним. Она стремительно вырвала из его рук Аленин листок, затем взяла в свои руки его задание и громко, что б слышал весь класс, спросила:

- Я всем объявила, что списывать недопустимо? Почему это для одних правила существуют, а другие на глазах учителя могут заглядывать в чужие контрольные? Терпению моему пришел конец, Михаил. Ты получаешь два.

- Светлана Михайловна! За что? Я же не списывал, - возмутился Морячок.

- Ничего не знаю. Чужое задание было в твоих руках. Вот оно, - строго произнесла учительница и подняла вверх Аленин листок.

- А двойку за что? Я написал свою работу десять минут назад и готов сдать ее хоть сейчас, - протестовал Протасов.

- Тогда надо было сдать работу и выйти из класса. А сейчас уже поздно. Ты получаешь два, - непримиримо произнесла Светлана Михайловна.

- Я только из любопытства посмотрел чужое задание, - со-

врал Мишка и покраснел.

- Если ты не виноват, тогда я и Алене два поставлю. Ты этого добиваешься? - возмутилась учительница.

- Это будет несправедливо. Алена здесь ни при чем. - Миша обреченно улыбнулся и произнес тихо: - Это я виноват, что взял у нее листок. Но все равно двойка по математике это не справедливо. Я знаю хорошо математику. А если вы поставите двойку, то у меня не будет медали.

- Поставьте мне двойку, а Мише не надо, - неожиданно, встав из-за парты, громко и твердо сказала Актриса.

- Без ваших советов разберусь, милочка, садитесь. Ты не распоряжаешься своей медалью - она принадлежит всей школе. А ты, Миша, получаешь двойку, - Светлана Михайловна демонстративно вписала оценку в журнал.

Голова у Миши закружилась. Как же так. Осталось всего три месяца до окончания школы. И вот я без медали. Что скажу матери? Как будет больно отцу в его тяжелом состоянии.

- Значит вы, Светлана Михайловна, ставите двойку и тем самым утверждаете, что я не знаю математики, то есть знаю ее неудовлетворительно? - не своим голосом произнес воинственно Морячок.

- Я не собираюсь с тобой объясняться, - несколько замешавшись от его уверенного тона, ответила учительница.

-Тогда я иду к директору - грозно, как мог, заявил Морячок.

- Хотя к министру образования шагай. Он тебе расскажет о подвигах твоего отца... - вырвалось ненароком у Светланы Михайловны.

Мишка со слезами выскочил из класса и побежал в кабинет директора. Бывший завуч школы Иван Стефанович исполнял обязанности директора и ждал на днях своего утверждения в новой должности. Он всегда подобострастно относился к Протасову старшему, и Мишка надеялся найти у него хоть какую-то, пусть даже только моральную, поддержку.

- Что случилось, Миша? Почему ты плачешь? - спросил сочувственно Иван Стефанович.

- Я прошу вас пройти в наш класс, - попросил по-детски Мишка, вытирая предательские слезы обиды.

- Что случилось? - еще раз с тревогой переспросил директор.

- Прошу вас, Иван Стефанович! Пройдемте в наш класс, - уже более настойчиво попросил Миша. Он удивился сам жесткости и решительности, которые прозвучали в его голосе в эту минуту.

- Ну, хорошо пойдем... пойдем, посмотрим, что там у вас происходит, - неохотно согласился Иван Стефанович.

Светлана Михайловна как будто не удивилась, когда Мишка вернулся не один. Она, улыбаясь, смотрела то на класс, то на Ивана Стефановича.

- Я присяду здесь на последней парте, а вы мне расскажите, пожалуйста, что здесь происходит, - вкрадчиво мягко произнес исполняющий обязанности директора.

- А у нас ничего не происходит, - с улыбкой ехидно заявила Светлана Михайловна - ученик списывал и за это получил двойку. Вот и все. Обыкновенная история.

- Это ложь, - резко заявил Миша, - я специально при директоре утверждаю, что я не списывал и сделал мою контрольную работу самостоятельно за десять минут. Математику я знаю великолепно.

- Вы слышите, какая самооценка, - Лобачевский юный у нас появился, - отреагировала нервно Светлана Михайловна.

- Я готов при директоре доказать это, - смело предложил Морячок.

- Каким образом, смею вас спросить? Доложить нам весь курс по математике за год? - ехидно, улыбаясь, произнесла учительница.

- Нет. Проще и объективнее. Мы устроим соревнование. Вы берете любые математические задачи из билетов в самые престижные вузы, например в МИФИ из журнала «Квант», и мы с вами решаем их на скорость. Если я первый выполняю задание, то вы стираете в журнале двойку. Если вы первая, то двойка остается.

Класс от восторга зашумел. Светлана Михайловна покраснела, побледнела и, глядя растерянно на директора, удрученно произнесла.

- Ну, что тут прикажете делать? Я с ним соревноваться не буду. Такой наглости я не потерплю.

- Если боитесь соревнования на знания, значит, исправьте двойку, - твердо произнес Миша.

- Исправьте двойку или соревнование, - закричали наперебой ребята.

- Теперь послушайте меня, - грозно шипя, произнес неожиданно Иван Стефанович, встав с парты и медленно продвигаясь в сторону доски, - я не позволю вам унижать заслуженного учителя. Я не позволю использовать директора в качестве клоуна. Я, Протасов, не твой папа, чтобы потакать бредням учеников. Времена эти закончились. Закончились навсегда. Учитель - вот ваш бог и никакого свободомыслия я не потерплю. На корню душить буду. Такие выпускные аттестаты получите, что в тюрьму с ними не примут. Ишь, распустили всю школу. Светлана Михайловна, продолжайте урок и не вздумайте идти на поводу у этих... Таким людям золотая медаль не положена. Ставьте два, коль заслуживает. - Иван Стефанович резко вышел из класса и громко хлопнул дверью. Мишке показалось, что именно в этот момент детство покинуло его навсегда, и он неожиданно в одно мгновение стал совершенно взрослым человеком.

- Нам необходимо встретиться, - произнес незнакомый холодный голос по телефону.

- Кто вы? - спросила Зинаида Сергеевна.

- Я заведующая горono Татьяна Ивановна Королева.

- Слушаю вас Татьяна Ивановна. Что случилось? - настоя-
роженно поинтересовалась Протасова.

- Я бы вам не звонила, но так как наши дети учатся вме-
сте, то по-дружески вам советую - угомоните своего сына, -
спокойно произнесла Татьяна Ивановна, но за этим мнимым
спокойствием Зинаида Сергеевна почувствовала подступаю-
щий, еле сдерживаемый приступ агрессии.

- Простите, я не буду обсуждать ни с кем эту тему. Это
дело сына. Он сам принимает решения. Я ему доверяю, - сухо
ответила Зинаида Сергеевна.

- Нет, уж вы меня послушайте, - голос собеседницы стал
глухим, грозным и крайне неприятным, - ко мне обратился
директор школы. Ваш сын третирует преподавателей. Угро-
жает им по каждому поводу. Вам мало досталось с вашим
мужем? Хотите неприятности с сыном?

- Что вы такое говорите! Кто вам позволил разговаривать
со мной в таком тоне? - возразила неуверенно, растеряв-
шись, Зинаида Сергеевна.

- Я вас, по- хорошему, предупреждаю, - не сдерживая гне-
ва, продолжила Татьяна Ивановна, - Умерьте пыл своему сы-
ночку. У нас длинные руки. Мы и в любой вуз сообщим, что
он сын казнокрада, из комсомола исключим. Только пусть
еще подергается.

- Делайте, что хотите. Я вас не понимаю и не приемлю, -
тихо и твердо вымолвила Протасова.

- Поймете, но будет поздно. Не играйте с огнем. Вы итак уже с ним наигрались. Свое будущее спалили. Детей своих хоть пожалейте. Их у вас трое. Мы им жизни в городе не дадим. Подумайте, вы мать..... - с абсолютным спокойствием продолжила Татьяна Ивановна, чем повергла в смятение собеседницу.

- Что мне делать? - голос Марьи Сергеевны задрожал. Она представила своих малышей, истязаемых этими извергами, их сломанные судьбы...

- Так-то лучше... По моим сведениям, ваш сын написал апелляцию в гороно и облоно на ряд выпускных оценок, которые ему выставили учителя и требует сдачи экзаменов специальной комиссии из области.

- Но это его право по закону, - отчаянно возразила Мишина мама.

- О правах заговорили. Я вам покажу права. Не только медали не будет. С трояками школу закончит кляузник. Яблоко от яблони недалеко падает. Отец-то ваш тоже кляузы в Москву пишет. Ничего, пишите. Мы вам, безумцам, покажем....

Гудки телефона резали сердце женщины на куски. Зинаиду Сергеевну на мгновение охватила щемящая тревога, обида и отчаянье.

Чтоб никто из детей не заметил ее состояния, она скрылась ванной, громко включила воду и зарыдала.

Успокоившись, вошла в детскую. Дети каждый занимался

своим делом. Вот что дает силы бороться, - подумала Зинаида Сергеевна, улыбнувшись своим сокровищам.

- Мам, что-то случилось? - почувствовав волнение матери, спросил Мишка.

- Да нет, все хорошо, сынок. Справедливость восторжествует. Добро только кажется слабым... Не волнуйся, делай уроки.

Иван Степанович давно мечтал закончить докторскую диссертацию по педагогике. Материалов за долгие годы школьной практики скопилось предостаточно, но было все как-то некогда взяться и написать. Наука не терпит суеты. «О, какое счастье быть просто учителем», - думал он, покачиваясь в кресле-качалке, внимательно перечитывая монографию академика Собкина о психологии подростка на этапе развитого социализма. Дела в прокуратуре успокоились в ту минуту, когда он написал заявление об уходе с директорского поста и устроился рядовым учителем в соседнюю школу к своему давнему приятелю по институту. Да потери последних месяцев его жизни были совсем не малыми - пошатнувшееся здоровье, его детище - любимая школа, партбилет и ежемесячное возмещение мнимого ущерба государству в размере 30 процентов заработка в течение трех лет. Бог с ними с деньгами. Одно репетиторство давало доходы намного больше, чем основная работа, но морально было тяжело. Несправедливость своими черными когтями раздирала его

слабое сердце. Полгода назад он написал письмо Пельше, но ответа так и не получил, да и ждать было нечего. Системе партийного контроля некогда было заниматься такой мелочью, как обиженный учитель. Неожиданно в дверь позвонили. Иван Степанович неторопливо, как и рекомендовали ему врачи, поднялся с кресла, подошел и открыл дверь. Перед ним стоял странно одетый офицер. Такой формы Иван Степанович никогда не видел. Он от растерянности и страха не мог рассмотреть кокарду и определить род войск незваного гостя. Тревога сдавила сердце учителя - «Снова прокуратура. Я этого не вынесу».

- Товарищ Протасов? - строго спросил военный.

- Да это я.

- Иван Степанович?

- Да. Чем могу быть полезен?

- Предъявите паспорт, - строго приказал офицер.

- Что случилось? - понизив голос от волнения до хрипа, произнес учитель.

- Ничего не случилось. Вам важная правительственная телеграмма.

Иван Степанович пригласил военного в дом и долго не мог найти паспорта. Волнение было настолько велико, что он боялся потерять сознание. Наконец, он достал документ из комода и протянул его гостю.

Офицер внимательно перелистал все страницы паспорта, затем спокойно протянул ведомость для расписки в получении.

нии правительственной телеграммы, молча отдал честь и исчез, как видение.

Иван Степанович закрыл дверь и, опасаясь читать телеграмму, сел на стул, задумался. «Ну, вот и момент истины. Областная прокуратура наверняка в Москву нажаловалась. Будь что будет. Судьбу не выбирают».

На красном торжественном бланке было написано.

Уважаемый Иван Степанович!

Решением коллегии Комитета Партийного Контроля ЦК КПСС вы приглашаетесь на заседание, которое состоится 17 июня 1981 года по адресу Старая площадь. Дом 1.

Председатель Комитета Партийного Контроля Пельше.

На железнодорожном вокзале Иван Степановича провожали всей семьей как на фронт. Мишка держал отца крепко за руку... В эту минуту Иван Степанович увидел, что такое его семья. Он ощущал себя воином, встающим на защиту чести и достоинства рода. Как же я могу позволить, чтобы моим детям бросали вслед: «Папа-то у них хоть и народный учитель, но учить то может только, как народные деньги воровать». Нет, Иван Степанович не мог этого допустить. Итак, вся семья натерпелась с ним. Завтра Москва обвинит его во всех грехах. Пусть посадят в тюрьму, но он будет спокоен - он боролся до конца и не сдастся ни при каких обстоятельствах. Все равно правда восторжествует, и его когда-нибудь обязательно амнистируют.

- Ваня! Ты так не переживай! Береги себя. Чтобы не случилось... - глаза Зинаиды Сергеевны заблестели от слез. - Мы всегда с тобой. Мы тебе верим. Чтобы не случилось, ты уже победил. Тебя надломили, но не сломили. Ты бросил вызов всей системе. Мы гордимся тобой папа. Да, дети?

- Да, папа, пусть не будет у меня медали, но я поступлю в институт, я сделаю все, папа, чтобы доказать им, что правда сильней, - Мишка крепко сжал ладонь отца.

Малышня тоже интуитивно понимала, что сейчас происходит что-то очень важное для их дома, но выражать свою поддержку могла, только мило шмыгая носиками от волнения. У вагона они гурьбой налетели на отца и стали старательно прощаться, целуя его по очереди. Расставались молча.

Купейный вагон скрипнул, и Иван Степанович от волнения почувствовал прилив слез к глазам - так трогательно стояли на перроне, обнявшись, четыре самых дорогих ему человека на Земле,. И были они объединены великим словом - Семья.

Семья - магическое слово.

Семь - я.

Не пять - я, не девять - я -

Семь - я.

Магия числа семь.

Магия непознанного слова «я».

Они слились в единое понятие - семья.

В единое ожерелье судеб семерых я.

Я пришедших в этот мир, для того чтобы встретиться,

Встретиться и привести на нашу планету пять прекрасных я.

Я путешествующих по лабиринтам своего пути.

Я свободных от всего,

От всего, кроме любви к семи я,

К семи я, объединенных Всевышним,

Объединенных Всевышним нести крест,

Крест Человечества в будущее.

К семи я, сохраняющих все самое лучшее,

Лучшее, созданное Богом.

Семья - простая магия числа и личности.

Семь я - сложнейший сплав любви и одиночества.

Семь я - волшебная формула будущего нашей планеты.

Два я - это формула одиночества.

Три я - это формула забавы.

Четыре я - это формула прозрения.

Пять я - это формула любви.

Шесть я - это формула блаженства.

Семь я - это формула таинства.

Таинства твоего земного счастья.

Строгие длинные коридоры здания Партийного контроля ЦК КПСС на Старой Площади с красными полосатыми фир-

менными партийными дорожками вызывали в Иване Степановиче чувство робости перед громадой и мощью власти. Он от охватившего волнения, как в бреду, более двадцати минут искал нужный кабинет, путаясь в переходах. Наконец, заветная дверь перед ним. Он робко постучал в кабинет номер 459, на котором блестела строгая табличка - Коваленко Т. И. Иван Степанович интуитивно пытался угадать имя и отчество хозяина кабинета - Тимофей Иванович, Тимур Игнатьевич, Трифон Иннокентьевич... Сочетания имен кружились в беспорядочном хаосе в возбужденном от волнения мозгу.

- Войдите, - услышал он за дверьми приятный с оттенком нежности женский голос.

Иван Степанович повиновался.

Из-за широкого дубового стола к нему навстречу уверенно вышла очаровательная молодая женщина, на вид около тридцати пяти лет, одетая в коричневый элегантный рабочий костюм и, улыбаясь, протянула ему руку.

- Старший инспектор Центрального Комитета Партийного Контроля Коваленко Татьяна Ивановна. Не смущайтесь, Иван Степанович, садитесь, чай будете?

- Нет, что вы! - ответил учитель, хотя в горле от волнения у него сильно першило.

- Вы, наверно, ожидали встретить мужчину? - улыбаясь, как будто читая его мысли, спросила Татьяна Ивановна.

- Да. А откуда вы знаете? - наивно поинтересовался Иван Степанович.

- Мы здесь все знаем или почти все. Это наша работа, а чаю вам для успокоения необходимо. У вас будет очень трудный день, - гостеприимно произнесла хозяйка кабинета.

- Спасибо вам за чуткость, - благодарно произнес Иван Степанович.

- Времени у нас для беседы, к сожалению, мало. Я курирую ваше дело. Мы подробно изучили его и увидели в нем признаки партийного преступления, - строго произнесла Татьяна Ивановна и пристально посмотрела в глаза своему гостю. В этот момент Иван Степанович увидел перед собой совсем другую женщину - решительную, жесткую, бескомпромиссную.

- Я ничего плохого для партии не сделал, - залепетал подавленно учитель, - я вам клянусь. Я честный человек. Я всю жизнь старался делать все на совесть. Я не понимаю - в чем меня обвиняют...

- Успокойтесь. Партийное и, я думаю, уголовное преступление совершили против вас как честного члена партии, а, значит, против нашей партии, и вы мне должны помочь доказать это сегодня, - жестко продолжала она.

- Как помочь? Что я могу сделать? - морща лоб от напряжения и непонимания складывающейся ситуации, спросил Протасов.

- Для меня существо вашего дела очевидно: здесь налицо злоупотребление со стороны областного партруководства партийным и служебным положением. Более того, это чудо-

вищная, циничная дискредитация заслуженного члена партии с целью недопущения его избрания на ответственную партийную работу.

- Я и не знал, - снова глуповато произнес Иван Степанович.

- Зато мы все знаем. Это наша работа разбираться в человеческих судьбах. Но сегодня вам надо доказать свою правоту не только формально, но и неформально.

- Это как? - снова наивно поинтересовался Протасов.

- Формально документы я все подготовила, но они мало что значат. Главное - это вы сами. Вы должны доказать, что вы не лжете...

- Но как я смогу это сделать? - волнуясь, спросил Протасов.

- Говорить правду и только правду, - ответила инспектор ледяным голосом.

Кабинет сменялся за кабинетом. Кавалькада пронзительных глаз бороздила по самым глубоким потайным закоулкам души Ивана Степановича. Он отрешенно отвечал все, что он думает о приписках, о зарплате, о партии, о жизни советского народа, обо всем на свете. К вечеру, уставшего, его пригласили в большой зал, где сидели очень важные, знакомые по телевизору люди. Пожилой седой мужчина устало объявил фамилию, суть партийного разбирательства и пригласил задавать Ивану Степановичу вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.